

Э. ГЕНЮШЕНЕ

РЕФЛЕКСИВЫ В ПРУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. Цель настоящей работы заключается в том, чтобы, опираясь на имеющиеся сведения о прусских рефлексивах¹ и в частности на содержательную статью А. Якулене², уточнить исследуемый материал и продолжить изучение прусских рефлексивов, рассмотрев такие вопросы:

а) соответствия между глаголами в немецких оригиналах и глаголами, которыми они переведены в прусских памятниках;

б) соотношение прусских рефлексивов с однокорневыми, исходными нерефлексивами, т. е. их характеристика по признаку производности;

в) синтаксическая и семантическая характеристика прусских рефлексивов.

В работе привлекаются данные Катехизиса Вилентаса³ и современных литовского и латышского языков.

2. Релевантные для нашей работы данные о прусских рефлексивах можно свести к следующим положениям:

1) в прусских текстах встречаются три типа форм, которые можно считать рефлексивами:

а) глаголы с энклитическим рефлексивным показателем *si(n)* в конечной позиции, напр.:

audaseysin II 9₁₆ — *geschehe* II 8₁₆⁴;

mukinsusin III 97₂₀ — *lern* III 96₁₆;

¹ Учитываются сведения из следующих работ: Endzelin J. *Altpreussische Grammatik*. — Rīga, 1944; Marguliés A. *Die Verba reflexiva in den slawischen Sprachen*. — Heidelberg, 1924, p. 20–26; Mažiulis V. *Prūsų kalbos paminklai*. — V., 1966, p. 27–55; Endzelynas J. *Baltų kalbų garsai ir formos*. — V., 1957, p. 147–151; Mažiulis V. *Pastabos baltų ir slavų kalbų seniausių santykių klausimu*. — LKK, t. 2, 1959, p. 5–15; Endzelin J. *Lettische Grammatik*. — Heidelberg, 1923, p. 704–705; Stang Chr. S. *Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen*. — Oslo, 1966, p. 248, 254; Schmalstieg W. R. *Studies in Old Prussian*. — University Park and London, 1976, p. 195, 216–217; Schmalstieg W. R. *An Old Prussian Grammar*. — University Park and London, 1974, p. 150; Казлаускас Й. О месте возвратной морфемы и ее ударении в литовском языке. — *Baltistica*, 1966, t. 1 (2), p. 146; Топоров В. Н. Прусский язык. Словарь. — М., 1975, 1979, т. 1–2.

² Jakulienė A. *Prūsų kalbos sangražiniai veiksmažodžiai*. — *Baltistica*, 1969, t. 5(1), p. 37–42.

³ *Enchiridion Catechismus... per Baltrameju Willentha... Karalauczui... M. D. LXXIX (=VE)*.

⁴ Прусские памятники цитируются по изданию: Mažiulis V. *Prūsų kalbos paminklai*. — V., 1966.

б) глаголы с возвратным местоимением в аккузативе *sien* для 3 л. и личными местоимениями в аккузативе *mien*, *mans* для 1 л. ед. и мн. ч. и *tien*, *wans* для 2 л. ед. и мн. ч., выполняющими роль возвратного местоимения⁵:

sien pogattawint III 77₁₁₋₁₂ — *sich bereyten* III 76₁₂;

posinna mien III 67₁₈ — *bekenne mich* III 66₁₆;

tien Siggat III 81₂ — *dich segnen* III 80₂;

tūlninaiti wans III 105₂₆ — *mehret euch* III 104₂₄;

в число рефлексивов данного типа А. Якулене включает также два глагола с дативом личного местоимения, также соответствующим немецкому возвратному (аккузативно-дативному) местоимению:

noūmas biātwi III 39₃ — *vns förchten* III 38₂;

tickinnaiti ioumas... pomettewingi III 105₂₇₋₂₈ — *macht sie euch vnterthan* III 104₂₅⁶;

в последнем случае местоимение *ioumas* относится к прилагательному, поэтому глагол нельзя считать рефлексивным;

в) глаголы с двойным рефлексивным показателем — как с энклитикой, так и с местоимением в аккузативе:

sien... maitātunsin III 87₂₀₋₂₁ — *sich... neeren* III 86₁₈;

mans... enimmimaisin III 111₁₃₋₁₄ — *vns... annemen* III 110₁₃₋₁₄.

Собственно балтийскими считаются только глаголы с энклитикой, а глаголы с местоимениями, в особенности с личными, — морфологической калькой немецких рефлексивов⁷. Следует также отметить, что рефлексивы с двумя показателями идентичны литовским сочетаниям типа *sawęs palinksmintis*⁸ и *sawe prissigatawinti* VE 32₂₀₋₂₁; кроме того, они сходны и с рефлексивами с двумя аффиксами в некоторых памятниках (ср. *nusidawetese* VE 49₆₋₇, *issimanoše* VE 9₈) и некоторых современных жемайтских говорах литовского языка⁹. Поэтому и прусские формы с двойным рефлексивным показателем, возможно, не случайны и могли иметь балтийскую основу.

Для удобства ниже в статье для всех трех формальных типов глаголов с рефлексивным показателем используется общий термин **рефлексивы**; глаголы

⁵ Jakulienė A. Op. cit., p. 38–39. Большинство предыдущих исследователей, однако, считают рефлексивами только глаголы с энклитикой и местоимением *sien*; ср.: Margulies A. Op. cit., p. 20; Endzelin J. Altpreussische Grammatik, p. 190; Endzelynas J. Baltų kalbų garsai ir formos, p. 196.

⁶ Jakulienė A. Op. cit., p. 38–39.

⁷ См. аргументацию там же, с. 40–41.

⁸ Bezenberger A. Beiträge zur Geschichte der litauischen Sprache. — Göttingen, 1877, S. 231.

⁹ См., напр.: Vitkauskas V. „[P]+[s]+V+s“ tipo sangražiniai veiksmazodžiai rytinėse žemaičių šnektose. — Кн.: Gramatinės kategorijos ir jų raida. — V., 1978, p. 171–175.

только с энклитикой *si* (*n*) именуется **рефлексивными глаголами**, а глаголы с местоимениями и с двумя показателями — **рефлексивными конструкциями**.

В прусских текстах нами обнаружено 27 рефлексивов, употребленных вместе 43 раза (в статье А. Якулене рассматривается 26 рефлексивов в 39 употреблениях): девять раз употреблен рефлексив *audāt sien*¹⁰, по три раза — рефлексивы *sien Signāt* (III 77₂₃), *wans enimmans* (III 125₂₋₄), по два раза — рефлексивы *mile sien* III 103₁₆ — *Mijlis tien* III 97₁₆; *embaddusisi* III 113₁₅, 115₂₂; *polaipinna mien* III 81₁₇, 79₁₇₋₁₈; *sien podāst* III 123₁₅₋₁₆ — *wans ... podāuns astai* III 103₁₋₂; все остальные рефлексивы употреблены в текстах по одному разу;

2) относительно значения прусских рефлексивов имеются следующие утверждения:

а) рефлексивы, а именно рефлексивные конструкции, могут иметь собственно-возвратное значение¹¹, ср.: *mile sien subban* III 103₁₆₋₁₇ — *liebet sich selbst* III 102₁₄₋₁₅;

б) все рефлексивы в текстах обозначают интранзитивное действие, и транзитивных рефлексивов в памятниках не обнаружено¹²; это утверждение требует, на наш взгляд, пересмотра.

Поскольку собственно-возвратное значение имеют всего лишь несколько рефлексивов в корпусе, то значение большинства прусских рефлексивов в имеющихся работах остается не описанным.

3. Как известно, вследствие переводного характера и сильного влияния немецких оригиналов, часто проявляющегося в буквальном калькировании оборотов, прусские памятники в значительной мере недостоверны, и любые заключения о прусском языке следует делать с большой осторожностью. По мнению А. Соболевского, прусские тексты, которые он считал буквальным до бессмысленности переводом, вообще не дают основания судить о прусских рефлексивах, поскольку их переводы не имеют якобы никакого отношения к „живым“ прусским возвратным формам¹³. Мы, тем не менее, считаем вполне возможным изучать прусские рефлексивы на основе имеющихся данных, так как сопоставление с родственными языками позволяет по меньшей

¹⁰ Кроме того, однажды этот глагол употреблен без рефлексивного показателя: *Kāigi tou druwēse / tīt audasei tebbei* III 71₁₇ — *Wie du glaubest / so geschehe dir* III 70₁₄.

¹¹ Jakulienė A. Op. cit., p. 41.

¹² Там же, с. 42. Ср. также: Якулене А. История возвратных глаголов в литовском и других балтийских языках: Автореф. канд. дис. — Вильнюс, 1968, с. 15.

¹³ Соболевский А. Возвратная форма глаголов в литовском и латышском языках. Исследование В. К. Поржезинского. М., 1903: Рецензия. — Журн. мин-ва народного просвещения. 1903, № 9, отд. 2, с. 163.

мере оценить вероятность существования тех или иных рефлексивов в прусском и степень достоверности перевода, т. е. степень возможной близости к исконно балтийским формам. Памятуя о предостережениях, попытаемся сделать некоторые обобщения и высказать отдельные предположения.

4. Если сравнивать способы перевода немецких глаголов — как рефлексивов, так и нерефлексивов (что необходимо для определения положения рефлексивов среди всех глаголов), — то здесь выявляются следующие четыре случая, реализующие все четыре логических возможности при переводе:

1) немецкие рефлексивы в значительном большинстве случаев переводятся при помощи рефлексивов, что и дало отчасти основание (наряду с калькированием местоимений) говорить о буквальном переводе немецких рефлексивов;

2) всего в одном случае немецкий рефлексив переведен нерефлексивом; в переводе использована реципрокная конструкция:

Irret euch nicht Gort (вм. Gott) lesst sich nicht spotten III 86₂₀₋₂₁ — *ni kurteiti ains āntran | Deivs ni dast sien bebbint* III 87₂₃₋₂₄;

3) немецкие нерефлексивные глаголы в подавляющем большинстве случаев передаются на прусском при помощи нерефлексивов;

4) немецкие нерефлексивы переданы при помощи рефлексивов лишь в следующих трех случаях:

geschehen (III 56₁₈) — *sien audāt* (III 57₂₂₋₂₃);

lern III 96₁₆ — *mukinsusin* III 97₂₀;

zuuerhindern III 98₁₂ — *kita widintunsin* III 99₁₃¹⁴.

Здесь особый интерес представляет то обстоятельство, что нерефлексивы переведены именно рефлексивными глаголами, а не конструкциями, что говорит в пользу трактовки данных прусских соответствий как балтизмов (ср. также *mukinsusin* с лит. *mokytis* — *mokintis* и лтш. *mācīties*). Эти случаи свидетельствуют о том, что по меньшей мере отдельные переводы имеют отношение к „живым“ прусским возвратным формам.

В связи с обсуждаемым вопросом интересно сопоставить прусские переводы с Катехизисом Вилентаса. В последнем немецкие рефлексивы также в большинстве случаев переведены рефлексивами, за исключением четырех случаев, где переводчик отступает от оригинала, напр.:

Turei sien essesten Ebangelion maitātunsin III 87₂₀₋₂₁ — *sollen sich vom Euangelio neeren* III 86₁₈ — *isch Euangelias ischlaikima turetu* VE 37₁₈.

¹⁴ Этот прусский глагол не соответствует немецкому по лексическому значению и рефлексивной форме. По мнению проф. В. Мажюлиса (устное сообщение), в предложении *vnd enthalt sich etwas zuuerhindern* III 98₁₁₋₁₂ переводчик, вероятно, воспринял *zuuerhindern* как *zuverändern* и отнес к нему рефлексивный показатель предшествующего глагола *enthalt sich*.

С другой стороны, число рефлексивов в литовском переводе Энхиридиона в несколько раз больше, чем в немецком оригинале (и прусском переводе), т. е. немецкие нерефлексивы относительно часто переводятся рефлексивами. В частности, нерефлексив *geschehen* переводится чаще всего рефлексивом *stotis* или *nusiduost*, этимологически близким к прусскому *audāst sien*¹⁵, ср.:

geschicht III 48₁₈ (— *audāst sien* III 49₁₉) — *stoiesi* VE 19₁₉;
geschehe III 50₉ (— *sien audāst* III 51₁₀₋₁₁) — *nussidūtu* VE 20₉. Следует упомянуть и такие частотные рефлексивные переводы:

bedeutet III 62₁₃ (— *powaidinne* III 63₁₄) — *βenklinase* VE 26₁;

ausserstanden III 42₃ (— *etskiuns* III 43₃) — *kelesi* VE 16₅₋₆;

Geheyliget werde III 46₁₃ (— *Swintints wirst* III 47₁₅) — *Schwenskisi* VE 18₁₆;

bekenne III 68₂₃ (— *posinna* III 69₂₅) — *passiβistu* VE 29₉₋₁₀;

bleibet III 96₉ (*polinka* III 97₁₂) — *passiliekt* VE 42₉.

5. Охарактеризуем прусские рефлексивы по признаку наличия в текстах (и в языке) соотносительных нерефлексивов. По данному признаку рефлексивы любого языка можно расклассифицировать на формально производные, т. е. *reflexiva tantum*, и формально производные, если в языке имеются соотносительные нерефлексивы; дополнительно может выделяться группа рефлексивов с факультативным рефлексивным показателем, не меняющим значения глагола и образующим своего рода дублиеты (ср. лит. *sėsti* — *sėstis*, *liepsnoti* — *liepsnotis*).

В прусском материале обнаруживаем все три типа рефлексивов:

1) глаголы с факультативным рефлексивным показателем представлены двумя единицами — *biātwei*¹⁶ и *grikimai*.

Глагол *biātwei* многократно встречается в текстах без рефлексивного показателя, когда его нет и в оригинале при глаголе *fōrchten*, и лишь однажды — с местоимением в дативе, когда и в оригинале употреблена форма *ſich fōrchten*, ср.:

Mes turrimai Deiwan... biātwei bhe milijt III 31₁₀₋₁₁ — *Wir sollen GOTT... fōrchten vnnđ lieben* III 30₉₋₁₀;

turrimai mes no ūmas biātwi III 39₃ — *sollen wir vns fōrchten* III 38₂.

Дативное местоимение здесь соответствует немецкому аккузативно-дативному возвратному местоимению, при этом датив выбран, возможно, с целью избежать двусмысленности аккузативного местоимения, которое могло бы быть понято так же, как лит. *bijoti savęs*. Во всех случаях употребления этого гла-

¹⁵ О глаголах *audāst sien* и *nusiduost* см. подробнее: Mažiulis V. Dėl prūsų etimologijū. — *Kalbotyra*, 1966, t. 14, p. 103—104.

¹⁶ См. Топоров В. Н. Указ. соч., т. 1, с. 219—221.

гола прусский перевод в точности калькирует немецкую форму, однако по аналогии с лит. *bijoti(s)* с факультативным рефлексивным аффиксом можно допустить, что и в прусском этот глагол мог быть факультативно рефлексивным по форме. Характерно, однако, что в Катехизисе Вилентаса во всех случаях употребляется только рефлексивная форма *biotiesi*.

Глагол *grīkimai* также встречается без рефлексивного показателя, когда его нет при глаголе и в немецком оригинале, или с показателем (точнее, с двумя показателями), когда и в оригинале употреблена рефлексивная форма:

beggi mes deininisku tūlan grīkimai III 55₈₋₉ — *Denn wir teglich viel sūndigen* III 54₇₋₈;

quai sien en mans grīkisi III 55₁₁₋₁₂ — *vnnd... die.sich ahn vnns versūndigen* III 54₁₀₋₁₁.

Следует заметить, что в других балтийских языках эквивалентный по значению глагол неререфлексивен по форме: лит. *griekyti* и лтш. *grēkot*. Рефлексивный глагол *griekautis* (LKŽ, 3, p. 593) не сопоставим с рассматриваемым прусским глаголом по семантике. В литовском переводе Вилентаса используется только неререфлексивная форма *ghrieschijem* (VE 22₄), в том числе и для перевода рефлексива;

2) к *reflexiva tantum* с большой степенью уверенности можно отнести лишь глагол *audāt sien* по той причине, что этой формой во всех случаях, кроме одного (см. выше), переводится неререфлексивный глагол *geschehen*;

3) за исключением названных в (1) и (2) трех рефлексивов, все остальные прусские рефлексивы следует считать формально производными от неререфлексивов. Для большинства рефлексивов (напр., для *sien ni aupallai* III 69₁₉, *wartinna sien* III 101₂₅, *mile sien* III 103₁₆, *polaipinna mien* III 81₁₇, *tien Siggnat* III 81₂, *sien... waidinnasin* III 113₁₀₋₁₂, *sien pogattawint* III 77₁₁₋₁₂, *tūlninaiti wans* III 105₂₆ и т. д.) в текстах обнаружены соотносительные неререфлексивы, которые можно считать исходными как по форме, так и по значению. Напр., рефлексив *posinna mien* III 67₁₈ можно считать дериватом неререфлексива, употребленного, в частности, в следующем предложении:

turrimai mes ter ains stans grijkans posinnat III 65₂₁ — *sollen wir allein die Sünde bekennen* III 64₂₀₋₂₁.

Рефлексив *mukinsusin* III 97₂₀ явным образом является дериватом от неререфлексива, употребленного в предложении:

ains Buttas Taws swaian Seimīnan turri mukint III 83₁₋₂ — *ein Hausuater sein Gesinde sol lehren* III 82₁₋₂.

¹⁷ Ср. Топоров В. Н. Указ. соч., т. 2, с. 308.

Сходные по лексическим значениям рефлексивы в других балтийских языках также обычно являются производными от нерефлексивов.

Для следующих шести прусских рефлексивов соотносительные нерефлексивы в текстах не обнаружены, однако, насколько можно судить по их семантике и по наличию аналогичных по значению глаголов в литовском и латышском, такие нерефлексивы должны были быть в прусском: *mien walnennint* III 69₇ — *mich bessern* III 68₆₋₇, *laustineiti wans* III 97₆ — *demütiget euch* III 96₅, *kita widintunsin* III 99₁₃ — *zuuerhindern* III 98₁₂, *endāst sien* III 123₁₆₋₁₇ — *begibt sich* III 122₁₆ (ср. лит. *įduoti* — *įsiduoti* (LKŽ, 2, p. 884–885) и лтш. *iedot*), *embaddusisi* III 113₁₅ — *stecken* III 112₁₃₋₁₄ (ср. лит. *įbadyti* — *įsibadyti* (LKŽ, 1, p. 548) и лтш. *iebadīt* (LLVV, 3, p. 219)), *etlāikusin* III 99₁₃ — *enthalt sich* III 98₁₁₋₁₂ (ср. лит. *atlaikyti* — *atsilaikyti*, лтш. *atlikt* — *atlikties*)¹⁸.

6. Наибольший интерес представляет синтаксическая и семантическая характеристика рефлексивов. Рассмотрим в этом аспекте формально производные прусские рефлексивы. Эти глаголы можно разбить на три смысловых группы:

1) наиболее очевидную группу составляют рефлексивы с собственно-возвратным значением (см. выше § 2), т. е. со значением однореферентности субъекта и объекта действия, — эти глаголы можно назвать смысловыми рефлексивами. Сюда относятся:

(a) *Mijlis twaiian Tawisen kai tien subban* III 97₁₆ — *Liebe deinen Nehesten/als dich selbst* III 96₁₃;

(b) *kas swaian Gannan milē|stas mile sien subban* III 103₁₆₋₁₇ — *Wer sein Weib liebet/der liebet sich selbst* III 102₁₄₋₁₅;

(c) *Beggi as polaipinna mien|maian kermenen bhe Doūsin|bhe wissan en twaians rānkans* III 79₁₇₋₁₉ — *Denn ich befehle Mich/mein Leib vnnnd Seele/vnnnd alles inn deine hende* III 78₁₆₋₁₈;

(d) *Beggi as polaipinna mien|maian Kērmnen bhe Daūsin|bhe wissan en twaians rānkans* III 81₁₇₋₁₈ — *Denn ich befehle mich/mein Leib vnd Seele/vnd alles in deine Hende* III 80₁₅₋₁₆;

(e) *swaian Seimīnan turri mukint Angsteina bhe Bītai sien Signāt* III 77₂₃ — *sein Gesinde sol lehren/Morgens vnd Abends sich Segnen* III 76₂₀₋₂₂;

(f) *turri tou tien Signat* III 79₂₋₃ — *soltu dich segnen* III 78₂;

(g) *turei tou tien Signat* III 81₂ — *soltu dich segnen* III 80₂;

(h) *Deiws ni dast sien bebbint* III 87₂₄ — *Gott lesst sich nicht spotten* III 86₂₁;

(i) *bhe ast sien sups pēstan dāuns* III 103₇₋₈ — *vnnnd hat sich selbst für sie gegeben* III 102₆₋₇ (ср. *sawe... esti dawes* VE 49₁₂₋₁₃). В первых четырех предло-

¹⁸ Ср. Топоров В. Н. Указ. соч., т. 2, с. 106.

жениях (a) — (d) возможна только собственно-возвратная трактовка значения рефлексивов из-за наличия однородных дополнений при рефлексивном местоимении или параллельного употребления того же глагола (как в первом предложении) с нерефлексивным дополнением. Интересно, что в литовском переводе Энхиридиона в первых двух случаях также употреблено рефлексивное местоимение для выражения однореферентности актантов (*Milek... sawe* VE 42₁₃, *sawe pats mjl* VE 49₂₀₋₂₁), а *befehle mich* (предложения c — d) переведено как *mane... paleciawoju* VE 34₁₋₃, 35₁₋₂).

В следующих контекстах собственно-возвратное значение рефлексива подерживается наличием предикатива:

(j) *ains sien ni aupallai tīt pobrendints sen stawīdsmu adder muisieson grikans* III 69₁₉ — *jemandt sich nicht befindet beschweret mit solcher oder grössern sünden* III 68₁₈;

(k) *Pirsdau Deiwan turridi wissans Grikans sien skellānts dātunsi* III 65₁₇₋₁₈ — *Für Gott sol man aller Sünden sich schuldig geben* III 64₁₇₋₁₈;

(l) *posinna mien pirsdau Deiwan/wissans grikans skellānts* III 67₁₈ — *bekenne mich für Gott aller sünden schuldig* III 66₁₆.

Характерно, что во всех случаях смысловая рефлексивность в прусском передана при помощи местоимений, при которых возможно и усилительное местоимение, напр.: *tien subban* III 97₁₆, *sien subban* III 103₁₆₋₁₇, *sien sups* III 103₆. В литовском переводе используются и рефлексивные глаголы, ср.: *sich segnen* III 76₂₂ — *begnotisi* VE 33₆, *sich... befindet* III 68₁₈ — *rastusi* VE 29₄₋₅; *sich schuldig geben* III 64₁₇₋₁₈ — *duotisi kalti* VE 27₅₋₆, *bekenne mich* III 66₁₆ — *passifistu* VE 28₆₋₇.

Определение прусских рефлексивов с местоимением в качестве рефлексивного показателя как синтаксически интранзитивных¹⁹ не очевидно и требует доказательства. Это зависит от того, будем мы считать возвратное (или личное) местоимение частью аналитической рефлексивной формы глагола или же самостоятельным словом со статусом дополнения, реализующим объектную валентность глагола. В первом случае глаголы следует признать синтаксически интранзитивными рефлексивами, а во втором — транзитивными глаголами с рефлексивным дополнением. В пользу второго решения склоняет возможность употребления таких рефлексивов со вторым однородным прямым дополнением, как в предложениях (a) — (d) выше. Однако для однородности описания этих рефлексивных конструкций и рефлексивных глаголов удобнее считать аналогичные рефлексивы интранзитивными.

Хотя собственно-возвратное значение в прусских текстах выражается только рефлексивными конструкциями, из этого еще не следует, что оно

¹⁹ См. Jakulienė A. Op. cit., p. 42.

не могло выражаться энклитикой *si(n)*. Дело в том, что все глаголы в списке выше по вполне понятным причинам относятся к заимствованной книжной, религиозной лексике и называют в основном понятия „идеальной деятельности“, а в тех языках, где имеется как рефлексивный аффикс, так и рефлексивное местоимение (ср. литовский, латышский; русский и другие славянские языки), собственно-возвратное значение у глаголов того же слоя лексики также достаточно часто передается рефлексивным местоимением, а не аффиксом, ср. лит. *mylėti save* — лтш. *mīlēt sevi* — рус. *любить себя* (лит. *mylėtis* и лтш. *mīlēties* имеют реципрокное значение и потому не соответствуют по значению сочетаниям с возвратным местоимением), лит. *atiduoti save už ką* (не синонимично рефлексиву *atsiduoti kam*) — лтш. *atdot sevi dēļ* — рус. *отдать себя*. Как правило, аффикс используется для передачи смысловой рефлексивности у глаголов из сферы бытовой лексики, называющих конкретные, физические действия, ср. лит. *rengtis* — рус. *одеваться*, лит. *praus-tis* — рус. *умываться* и т. п. Аналогичная ситуация могла быть и в прусском языке;

2) вторую семантическую группу составляют интранзитивные рефлексивы, значение которых можно назвать автокаузативным: это глаголы, называющие семантически интранзитивное действие субъекта, каузирующего изменение в своем собственном состоянии или положении в пространстве²⁰. Наиболее типичным примером автокаузативных рефлексивов в материале является глагол *wartinna sin*:

(a) *Pansdau wartinna sin tans prei abbans|bhe enwaitia tennans|Titet III 101₂₅₋₂₆ — Darnach wende er sich zu jnen beiden vnd rede sie an|Also: III 100₂₃₋₂₅.*

Автокаузативами по значению являются также следующие глаголы:

(b) *Kāigi ginnewīngiskan|sien stas Soūns Deiwas |...| priki stans malnijkikans waidinnasin III 113₁₀₋₁₂ — wie freundlich sich der Son Gottes gegen den Kindlein stellet III 112₈₋₁₁;*

(c) *Kas sien teinu priki stan Auktimiskan sedinna III 89₂₁₋₂₂ — Wer sich nun wider die Obrigkeit setzet III 88₁₉;*

(d) *seiti wejsewingi bhe tūlninaiti wans III 105₂₆ — Seid fruchtbar|vn mehret euch III 104₂₄;*

(d') *bhe etlāikusin [deickton prei kita widintunsin] III 99₁₃ — vnd enthalt sich [etwas zuuerhindern] III 98₁₁₋₁₂;*

²⁰ Это значение в различных языках часто передается и нереплексивными интранзитивными глаголами типа *bėgti*, *lipti*, *eiti*. Подробнее об автокаузативном значении см.: Генюшене Э. Ш. Литовские субъективные возвратные глаголы в сопоставлении с русскими. — ABS, 1976, т. 10, с. 231–232; Geniušienė E. Dėl vienos sangražinių veiksmazodžių grupės semantikos. — Kalbotyra, 1977, т. 28(1), p. 24–28.

(e) *Kawīds sien prēistan perōnin Crixtiāniskan kīrkin podāst |stas endāst sien/en ainan Noseilewingiskan kariausnan III 123₁₅₋₁₇ — welcher sich zu der gemeinen Christlichen Kirchen thut| der begibt sich in einen Geistlichen Streit III 122₁₄₋₁₆;*

(f) *Stankīzman kai ious wans abbai ēnstan|Salaūbai boūsennien podāuns astai III 103₁₋₂ — Weil jr euch beide in den Ehestand begeben habt III 102₁₋₂;*

(g) *en kawījdsei|debijkun nautiņ bhe wargan stai gurijnai malnijkiku embaddusisi III 113₁₃₋₁₅ — in was grosser Not vnd Gefahr die armen Kindlein stecken III 112₁₂₋₁₄;*

(h) *en kawīdsu debijkan powargsennien|bhe nautien schis malnijkiks|swaias prēigimnis|bhe pērgimnis paggan embaddusisi III 115₂₀₋₂₂ — in was grossem Jammer vnd Noth diß Kindlein|seiner Art und Natur halben|stecket III 114₁₈₋₂₀.*

В группе автокаузативов находим как рефлексивные глаголы, так и рефлексивные конструкции. В литовском переводе обнаруживаем только рефлексивные глаголы с аффиксом: *wende... sich III 100₂₃ — atsighreschti VE 49₄, euch... begeben habt III 102₁₋₂ — nūsidawetese VE 49₆₋₇, mehret euch III 104₂₄ — dauksinketesi VE 51₁₃* (остальные предложения с автокаузативами отсутствуют в литовском переводе). В прусских автокаузативных рефлексивных конструкциях при возвратном местоимении нет и по смыслу не может быть усилительного местоимения со значением '(себя) самого', в отличие от собственно-возвратных конструкций. По лексическому значению перечисленные автокаузативные рефлексивы обозначают в основном изменения состояния или перемещение. Эквивалентные значения в других языках, обладающих двумя рефлексивными показателями (аффиксом и местоимением), обычно передаются либо нерефлексивами, либо рефлексивными глаголами с аффиксом, но не рефлексивными конструкциями (ср. лит. *apvirsti — apsiversti — *apversti save* — рус. *перевернуться*).

Следующие глаголы являются как бы промежуточными по значению между собственно-возвратными и автокаузативными рефлексивами:

— *as quoi mien walnennint III 69₆₋₇ — ich will mich bessern III 68₆₋₇;*

— *Stessepaggan laustineiti wans teinu|pōstan warewingin rānkan Deiwas III 97₆ — So demütiget euch nun vnter die gewaltige Handt Gottes III 96₅₋₆;*

— *Pastauton|bhe kērmeneniskan sien pogattawint III 77₁₁₋₁₂ — Fasten vnd Leiblich sich bereyten III 76₁₂.*

Эти рефлексивы могут быть поняты как в собственно-возвратном значении 'совершенствовать, улучшать себя', 'смирить себя', 'готовить себя (к чему-л.)', так и в автокаузативном значении 'стать лучше (в результате собственных усилий)', 'смириться', 'готовиться'. Они относятся к книжной, отвлеченной

лексике и в этом плане ближе к собственно-возвратным рефлексивам, чем к автокаузативам.

Следующие рефлексивы из-за метафорического смысла высказываний затрудняемся отнести к собственно-возвратным или автокаузативным:

— *Turei sien essestan Ebangelion maitātunsin* III 87₂₀₋₂₁ — *Sollen sich vom Euangelio neeren* III 86₁₈;

— *Sen Alkinisquai|turei tou tien nostan pomaitat* III 105₁₁ — *mit Kummer solstu dich darauff nehren* III 104₁₀₋₁₁.

Однако несомненно, что все пять глаголов по семантике не выходят за пределы двух рассмотренных семантических типов рефлексивов;

3) третью семантическую группу, отличающуюся от первых двух и синтаксическими свойствами, составляют транзитивные рефлексивы с косвенно-возвратным, или дативным, значением. Вопреки упоминавшемуся утверждению А. Якулене, что в прусских текстах все рефлексивы интранзитивны (если не считать рефлексивное местоимение реализацией второй, объектной валентности), следующие рефлексивы, как прусские так и немецкие, следует рассматривать как транзитивные, поскольку при них имеется нереплексивное прямое дополнение, не однородное с рефлексивным (или эквивалентным ему личным) местоимением:

(a) *mes mans schiēison malnijkikai enimmimaisin* III 111₁₃₋₁₄ — *wir uns des Kindleins annemen* III 110₁₃₋₁₄;

(b) *ioūs wans |...| a schisses niaubillintis N. enimmans* III 125₂₋₄ — *jr euch |...| dieses noch vnmündigen N habet angenommen* III 124₁₋₃;

(c) *Nostan subban tijt quoitilaiti ious wans|emprikisentismu malnijkikun| pirsdau Deiwan steismu Rikijan|sen stūrnawiskan enimton* III 117₁₋₃ — *Hierauff so wollet euch dieses gegenwertigen armen Kindleins... annemen* III 116₁₋₃.

Нереплексивное дополнение при глаголе *enimt* здесь везде соответствует прямому дополнению при том же глаголе в нереплексивном употреблении, ср. следующее предложение с приведенными:

Tāns quoitijlai stan prei etnistin enimt III 117₄₋₅ — *Er wölle es zu Gnaden auffnemen* III 116₄.

В предложениях (a)–(c) местоимение — рефлексивный показатель занимает позицию второго дополнения, не элиминируя первого, прямого дополнения, т. е. рефлексивное предложение составляет с нереплексивным такую же синтаксическую оппозицию, что и лит. *Jis paēmė (priēmė) tai* — *Jis pasiēmė (prisiēmė) tai*. Хотя местоимения, служащие рефлексивными показателями, во всех прусских предложениях аккузативны по форме, они явно использованы для передачи дативного значения аккузативно-дативных немецких

местоимений, т. е. вместо дативной формы *noūmas* и *ioūmas*. В переводе как бы калькируется и двойное значение падежной формы немецкого местоимения, т. е. нейтрализуется аккузативное значение форм *mans* и *wans*. Это предположение в какой-то мере подкрепляется тем обстоятельством, что в текстах встречаются обратные случаи — дативное *noūmas* вместо аккузативного *mans* и в аккузативном значении при переводе того же аккузативно-дативного *uns* (в нерефлексивных контекстах)²¹:

kai tans noūmans (=mans?) quoitē klausiton III 57₁₉₋₂₀ — *das er uns will erhóren* III 56₁₇;

kai noūmas (=mans?) Deiws quoitilai popeckut bhe erlaikūt III 55₁₇₋₁₈ — *Das uns Gott wolt behúten und erhalten* III 54₁₆₋₁₇.

Кроме глагола *enimt* с местоименным показателем рефлексивности, транзитивным следует считать и глагол *mukinsusin*. Сопоставим следующие предложения:

(d) *Erains mukinsusin swaian mukinsnan* III 97₂₀ — *Ein jeder lern sein* *Lection* III 96₁₆ (ср. *Mokikes pilnai tū mokslū* VE 42₁₉);

(e) *stan madlin kawijden noūmas noūson Rikijs Kristus sups mukinnons* III 121₁₅₋₁₇ — *das Gebet | so vns vnser Herr Christus selbs gelehret* III 120₁₂₋₁₃;

(f) *Kaigi ains Buttas Taws swaian Seimīnan turri mukint Angsteina bhe Bītai | sien Signāt* III 77₂₀₋₂₃ — *Wie ein Hausuater sein Gesinde sol lehren | Morgens vnd Abends sich Segnen* III 76₂₀₋₂₂. В нерефлексивных предложениях (e) и (f) глагол имеет по два дополнения — дополнение неодушевленного объекта действия, выраженное аккузативом имени *madlin* или эквивалентным ему инфинитивом (*sien Signāt*), и второе дополнение одушевленного объекта в аккузативе или дативе. Прямое дополнение рефлексива в предложении (d), т.е. именная группа *swaian mukinsnan*, соответствует первому дополнению нерефлексива, и таким образом рефлексив сохраняет транзитивность исходного нерефлексива. Между прусским нерефлексивом и рефлексивом имеет место такое же морфологическое, синтаксическое и семантическое отношение, что и между лит. *mokyti (mokinti) ką ko* → *mokytis ką/ko*. Нерефлексив является здесь каузативом по отношению к рефлексиву: *mokyti* = 'каузировать *mokytis*'. Немецкий *lehren* также является каузативом по отношению к *lern*, но оба глагола здесь нерефлексивны по форме.

Остается отметить последний случай, где рефлексив в прусском тексте употреблен с прямым дополнением:

bhe etlāikusin deickton prei kita widintunsin III 99₁₃ — *vnd enthält sich etwas zuuerhindern* III 98₁₂.

²¹ Ср. Топоров В. Н. Указ. соч., т. 1, с. 114–115.

Из-за неточности в переводе (см. выше) делать какие-либо заключения о транзитивности глагола *kita widintunsin* трудно.

Тот факт, что среди перечисленных транзитивных рефлексивов находим рефлексивные глаголы с энклитикой *enimmimaisin* и *mukinsusin*, свидетельствует скорее всего о том, что в прусском могли быть транзитивные рефлексивные глаголы, аналогичные многочисленным транзитивным рефлексивам в литовском²² и немногочисленным латышским транзитивным рефлексивам.

7. В заключение отметим следующее:

1) в прусских памятниках немецкие рефлексивы чаще всего переводятся при помощи рефлексивов — морфологических калек, однако по своей семантике такие рефлексивы вполне могли существовать в прусском;

2) по признаку формальной производности от нерефлексивов прусские рефлексивы делятся на *reflexiva tantum*, рефлексивы с факультативным рефлексивным показателем и формально производные рефлексивы, т.е. по этому признаку прусские рефлексивы характеризуются одинаково с рефлексивами других языков, в том числе литовского и латышского;

3) по меньшей мере отдельные прусские рефлексивные конструкции являются если не исконно балтийскими, то достаточно естественными для прусского, подобно тому как аналогичные обороты (напр., лит. *mylėti save*) естественны для литовского и латышского;

4) по значению прусские рефлексивы распадаются на три смысловые группы: собственно-возвратные, автокаузативные и дативные, или косвенно-возвратные (транзитивные). Таким образом, по типам значений они не выходят за смысловые пределы рефлексивов в других языках²³, в том числе в литовском²⁴ и латышском.

REFLEXIVES IN OLD PRUSSIAN

Summary

This paper deals with the derivational history of Old Prussian reflexives and their syntactic and semantic properties. The reflexives fall into three semantic classes: reflexives proper, self-move and dative reflexives.

²² Ср.: Генюшене Э. Ш. Транзитивные рефлексивы в литовском языке. — *ABS*, 1977, t. 11, с. 193—209. Прусские транзитивные рефлексивы не сравниваются здесь с соответственными переводами в Энхиридионе Вилентаса, так как в нем опущены эти части текста.

²³ Ср.: Недялков В. П. Типология рецессивных конструкций. Рефлексивные конструкции. — В кн.: Диатезы и залогии. Тез. конф. „Структурно-типологические методы в синтаксисе разноразличных языков“. Л., 1975, с. 21—33.

²⁴ Ср.: Генюшене Э. Ш. О синтаксисе и семантике литовских рефлексивных глаголов. — В кн.: Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. Л., 1977, с. 164—171.